

З. Мельник

«ЗА ВЕРУ ПРОТИВ АНТИХРИСТА»: ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ДУХОВЕНСТВО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г. (критические заметки на полях книг Л. Мельниковой)

История человечества полна войн. Несмотря на свой разрушительный характер, они выполняют и креативную функцию — порождают идеи, объединяющие нацию, вдохновляющие на будущие победы. Но это скорее функция не самих войн, а рассказчиков-интерпретаторов событий, мифотворцев, которые на разоренных пространствах, «засеянных» человеческим горем и отчаянием, пытаются вырастить веру в то, что все случившееся было бесполезным и является предпосылкой к лучшей жизни. Для создателей подобных концепций это трудная задача, поскольку важно не только создать схему, которая была бы способна объяснить многочисленные противоречия каждой войны, но также заставить других поверить в нее. История войн — это история мистификаций, написанная победителями, чтобы утвердить свою победу навсегда, оправдаться и загладить возможную вину.¹

Особое место в истории России и сопредельных государств играет война 1812 г., основные заблуждения относительно которой, к сожалению, продолжают жить в работах историков. За два века, прошедших после самого события, различных трактовок накопилось немало. В настоящей статье внимание будет сосредоточено на проблемах рассмотрения роли, сыгранной в военной кампании 1812 г. Православной церковью и духовенством Российской империи.

В имперской историографии доминировала позиция официальных властей, представленная Александром I в манифесте от 25 декабря 1812 г.: «Все государственные чины и состояния, не щадя ни имуществ своих, ни жизни, составили единую душу, душу вместе мужественною и благочестивою, толико же пылающую любовью к Отечеству, колико любовь к

Богу».² Указывая на «длань Господнюю» как на важнейшую причину победы над Наполеоном, памятные награды сопровождалась надписью: «Не нам, не нам, а имени Твоему».

В советской историографии провозглашалась чрезвычайная роль народа в победе над врагом в 1812 г., роль же Церкви в этих событиях не рассматривалась.³ В современной российской историографии данная проблематика получила новое освещение, оценку чего автор постарается представить ниже.

Первое, что следует отметить, это отсутствие фундаментальных исследований по данной тематике за все 200 лет. Проблема в том, что или этот вопрос брались исследовать представители духовенства, руководствуясь сословным интересом,⁴ или же он частично освещался в контексте другой проблематики. Исключением должны были стать исследования Любви Мельниковой, посвященные истории российской армии и Православной церкви во время наполеоновских войн,⁵ но из-за целого ряда противоречий считать их таковым нельзя.⁶ Следует отметить, что мы не ставим целью развенчание аргументов Л. Мельниковой, значительная часть которых является скорее наследием

² Собрания Высочайших Манифестов, Грамот, Указов, Расписок, Приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 95.

³ См.: Попов А. Партизаны и народная война в 1812 году // Бородино — Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник: http://www.borodino.ru/download.php?file_id=541&_CM3__CM3=75amo73ocen6mhssolqk78t2g1.

⁴ «...Причины победы: осознание русским народом священного, освободительного характера этой войны, веры в Бога, укрепившей силы народа и вызвавшей желание наказать ее (веры) “хулителей”, а также верности царю и любви к Отечеству, которые, наряду с православной верой, объединили все сословия для совместной борьбы с врагом» (Ответ архимандрита Филарета А. Н. Оленину на письмо, которым предложено было написать рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне // Сын Отечества. 1813. № 32. С. 223–235; № 33. С. 3–15).

⁵ Мельникова Л. Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 г. Издание Сретенского монастыря, 2002; Она же. Армия и православная церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007.

⁶ См. об этом подробнее: Мельник З. «Л. В. Мельникова. Армия и православная церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн». М., 2007 // Наукові записки Українського католицького університету. Ч. 2 Сер. Історія. Вип. 1. Львів, 2010. С. 337–344.

¹ См.: Маркин А. Война и миф // Интернет-проект «1812 год»: <http://www.museum.ru/museum/1812/library/Markin1/index.html>.

Мельник Зоряна — ассистент кафедры мировой истории нового и новейшего времени Украинского католического университета (г. Львов, Украина)
E-mail: zorianam@gmail.com

советской эпохи, оставившей по себе целый ряд мистификаций, упрощенных схем и мировоззренческих представлений, избавиться от которых чрезвычайно сложно. Лишь с помощью разностороннего анализа спорных моментов истории можно не только развенчать ошибочные мнения, но и более точно реконструировать историческую действительность.

Особое внимание следует обратить на две особенности военной кампании 1812 г.: первая — это провозглашение войны с Наполеоном священной, что является косвенным утверждением ее справедливого и освободительного характера, а вторая — противостояние русского «благочестия» французскому «безбожию». При рассмотрении первой особенности неизбежно углубление в проблему роли православия в событиях того времени, при анализе второй — в цивилизационное основание восприятия войны.

Формирование концепции «священной войны» имело целью не допустить сотрудничества населения с врагом, а также обеспечить стабильность тылов. Стоит отметить, что у исследователей есть расхождения во взглядах на природу идеи «священной войны». С одной стороны, эта концепция воспринимается буквально, поскольку православная церковь была доминирующей в Российском государстве, а Наполеон провозглашался безбожником.⁷ Тот факт, что в синодальный период, а особенно во времена обер-прокурора А. Голицына,⁸ церковь была полностью зависимой от государства и выполняла все предписания властей,⁹ указывает на вероятность централизованного распространения удобного для государства мифа. Образ Наполеона-атеиста и «воинствующего безбожника»,¹⁰ сформированный еще императорской пропагандой, до сих пор влияет на восприятие фигуры Наполеона, хотя ни сам Бонапарт, ни его биографы таких соображений не высказывали.¹¹

⁷ См.: Мельникова Л. Русская православная церковь... С. 174; Она же. Армия и православная церковь... С. 82.

⁸ См.: Федоров В. Русская православная церковь и государство: синодальный период (1700–1917). М., 2003. С. 182, 183.

⁹ Там же. С. 434.

¹⁰ Мельникова Л. Армия и православная церковь... С. 83.

¹¹ «Наполеон не был нерелигиозным в обычном смысле этого слова. Он не допускал, чтобы мог существовать искренний и убежденный атеист; он осуждал деизм, как плод необоснованного умозрения. Христианин и католик, он лишь за положительной религией признавал право управлять человеческими обществами. В христианстве он видел основу всякой истинной цивилизации, в католицизме — культ, наиболее благоприятный для поддержания устоев нравственности, в протестан-

Опираясь на показания откровенно враждебно настроенных в отношении Наполеона лиц и российских авторов дореволюционной эпохи, а также интерпретируя общеизвестный факт об отлучении папой Пием VII Наполеона от Церкви, Л. Мельникова дает отрицательный ответ на вопрос о том, «верил ли Наполеон в Бога».¹² При этом игнорируются исследования целого ряда французских ученых, ни один из которых так и не решился назвать императора, восстановившего христианскую религию во Франции и признавшего римо-католицизм вероисповеданием подавляющего большинства французов, безбожником и атеистом.¹³

Существует и другая позиция, сторонники которой отмечают пропагандистский характер деятельности Церкви, результатом чего стала фанатическая озлобленность крестьян против французов и чрезвычайная жестокость по отношению к ним.¹⁴ Эти соображения кажутся более правдоподобными, поскольку крестьяне не отличались ни политическими, ни патриотическими чувствами. Данное обстоятельство ставит под сомнение концепцию «народной войны», основанной на идее защиты Отечества и верности царю.

Но и в первом, и во втором случае роль духовенства не охарактеризована объективно, а соответственно, у нас нет точного представления о его участии в войне 1812 г. В работах Л. Мельниковой роль Церкви описана с позиций идеализма, без взаимосвязи с реальностью: духовенство якобы вдохновляет паству на подвиги, следит за ее моральным состоянием, разъясняет необходимость уважения к противнику, укрепляет дух и т. д. Жестокие расправы

тизме — источник смуты и раздоров. Не соблюдая церковных обрядов в отношении к себе самому, он, однако, слишком уважал последние, чтобы позволить себе насмешки над теми, кто придерживался их. Возможно, что его отношение к религии являлось не делом чувства, а результатом дальновидной политики, но это — тайна его души, которой он никогда не выдавал» (Вершители европейских судеб в воспоминаниях князя Меттерниха // Интернет-проект «1812 год»: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/metternih/metternih.txt>).

¹² См.: Мельник З. Указ. соч. С. 338.

¹³ См.: Welschinger H. Le Pape et l'Empereur 1804–1815. P., 1905; Latreille A. L'Eglise catholique et la Révolution française. T. 2: L'Ere Napoléonien et la crise européenne (1800–1815). P., 1950; Melchior-Bonnet V. Napoléon et le Pape. P., 1958; Boudon J.-O. Napoléon et les Cultes. P., 2002.

¹⁴ «Крестьяне зарывали “бусурман” живьем, наивно считая, что коли они “своей смертью в земле помрут”, то они не будут отвечать за убийство перед Богом» (Маркин А. Указ. соч.). «Крестьяне жгли и резали французов, закапывали их живыми в землю. Свидетельств тому великое множество, так что пушкинское “остервенение народа” следует понимать в самом буквальном смысле слова» (Попов А. Указ. соч. С. 6).

над французами свидетельствуют о том, что подобные намерения даже если и присутствовали, не были эффективно внедрены в жизнь. Наконец, реализация функции по воодушевлению населения и российской армии полностью зависимым духовным сословием, которое в своем большинстве было почти неграмотным,¹⁵ вызывает сомнение. Кроме того, исключительный интерес к пропагандистской функции духовенства не только не отражает сложности его положения, но и низводит его до уровня обычного чиновничества. Таким образом, настоящая роль духовенства в войне 1812 г. продолжает оставаться неисследованной и закрытой многочисленными стереотипами.

Позиция Н. Троицкого («дворяне защищали отечество из-за своих социальных привилегий, купечество наживалось на войне, среди духовенства нашлось более всего предателей»¹⁶) представляет духовное сословие в несколько искаженном виде. На самом деле духовенство очутилось перед сложным выбором «оставаться преданным государству или вере?», что часто было взаимоисключающим. Принеся присягу Наполеону или сотрудничая с французами, можно было избежать разграбления церковного имущества, а также получить разрешение на проведение богослужений.¹⁷ Подтверждением этого является факт, что на тех территориях, где среди священников было больше всего «предателей» (а это в основном белорусские и литовские земли), было меньше разрушенных церквей и издевательств над духовенством.¹⁸ Подтверждает это и случай с архиереем Могилевской архиепархии Варлаамом (Шишацким), который единственный из высшего духовенства принес присягу Наполеону и распорядился, чтобы этому последовали все представители подвластного ему духовенства. Во время следствия он

заявлял, что поступил таким образом, чтобы уберечь себя и паству от преследований.¹⁹

Учитывая различия территориальные (некоторые земли вошли в состав России менее чем за 50 лет до событий 1812 г.), этнические (большинство населения этих территорий — не этнические русские), исторические (иной исторический опыт) и религиозные (часто принудительная смена конфессии с униатской на православную), можно утверждать, что существовали специфические формы «сопротивления» французам во время кампании 1812 г. не только среди духовенства, но и среди других слоев населения (отсутствие ополчения, системного мародерства и т. п. на территории Литвы и Белоруссии), что необходимо учитывать при исследовании роли духовенства. Также стоит отметить, что рассматриваемые события разворачивались на начальном этапе войны, которому еще не была присуща чрезмерная жестокость, поскольку у французов было достаточно провианта и армия Наполеона еще не понесла значительных потерь.

Другой проблемой продолжает оставаться трактовка французов как мародеров и осквернителей православных храмов. Эта концепция активно использовалась уже во время войны для того, чтобы создать негативный образ врага и привлечь население к борьбе с ним. Информация о случаях осквернения церквей и монастырей фигурировала в агитках Ф. Ростопчина,²⁰ а впоследствии стала активно использоваться исследователями.²¹ Примечательно, что эта концепция представлена односторонне, без учета особенностей военного времени и менталитета французов, как неоспоримый факт, в основе которого будто бы лежало их пренебрежение христианскими и культурными ценностями, а также их безбожность.

Л. Мельникова использует как доказательство письмо профессора В. Гецеля военному

¹⁵ См.: Смолич И. К. История русской церкви 1700–1917: в 8 кн. М., 1996. Кн. 8, ч. 1. С. 302.

¹⁶ Цит. по: Попов А. Указ. соч. С. 12.

¹⁷ «Французы вообще вели себя благонравно и не было попота на них; они не отказывали обывателям, как в городе, так и в уезде, ставить к ним свою охранную стражу. В день сражения под Могилевым, 11 июля, были даже двое солдат расстреляны, будто за побию своих хозяев, принесших жалобы Даву. Трупы расстрелянных солдат я видел сам» (Французы в Могилеве-на-Днепре. 1812 г. // Русская старина. 1877. Т. 20. С. 688–696). «Непрошенные гости наши, которых мы встретили со страхом, обошлись с отцом моим, как с духовным лицом, вежливо» (Французы в г. Чаусах в 1812 г. // Интернет-проект «1812 год»: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Rs10/rs10.txt>).

¹⁸ См.: Мельникова Л. Русская православная церковь... С. 170.

¹⁹ См.: Павловский И. Крамольная присяга (Къ биографіи архієпископа Варлаама Шишацкаго) // Волыньские епархиальные ведомости. 1879. № 12. С. 467.

²⁰ Ростопчин обращался к крестьянам: «Враг рода человеческого, наказание Божие за грехи наши, дьявольское наваждение, злой француз вошел в Москву», — и призывал их не поддаваться «в обман врагу лютому, злодею кровожадному... Истребим гадину заморскую и предадим тела их волкам, вороньям... а злодей француз некрещеный — враг... истребляйте эту сволочь, гадину нечистую» (Цит. по: Попов А. Указ. соч. С. 5).

²¹ Этому вопросу посвящен целый раздел под названием «Ущерб, нанесенный Великой армией православным святыням», где подробно описаны факты осквернения церквей путем размещения в их стенах нужных для армии учреждений, а также разграбления церковного имущества. (Мельникова Л. Армия и православная церковь... С. 138–158).

министру М. Барклаю-де-Толли, в котором на основе произвольной интерпретации Апокалипсиса делается вывод, что в имени Наполеона зашифровано «число зверя — 666». Сфабрикованность сложных каббалистических выкладок этого профессора становится очевидной, если учесть, что он анализировал придуманную им формулу титулования *Le Empereur Napoléon*, а не настоящее ее написание, с сокращенным артиклем (*L'Empereur Napoléon*).²²

В любом военном конфликте, а также при других обстоятельствах ослабления власти и возникновения хаоса, появляются многочисленные любители наживы. Безусловно, были такие и в армии Наполеона, хотя их не только не поощряли к подобным действиям, но и приговаривали часто к высшей мере наказания — смерти. Об этом свидетельствуют документы из архива Исторической службы Министерства обороны Франции. В частности, циркулярное письмо начальника генерального штаба корпуса Мюрата генерала А. Бельяра от 4 июля 1812 г. гласило: «Священная утварь из церкви и золотые вещи некоторых жителей были похищены войсками, мой дорогой генерал, король [Мюрат] предписывает, чтобы были осуществлены все необходимые расследования, чтобы найти и арестовать виновных. Если ничего не найдут в ранцах или мешках, возможно, найдут эти вещи у торговцев, которые обычно общаются с солдатами. Если виновные будут арестованы, король желает, чтобы они предстали перед судом...».²³

Мародерство существовало не только среди французов: грабили также крестьяне, особенно когда чувствовали, что останутся безнаказанными.²⁴ А то, что основным объектом

грабежей стали церкви, объясняется тем, что, во-первых, здесь было много дорогой утвари, а во-вторых, отношение к частной собственности у французов было более уважительным, чем к собственности культовых организаций. По мнению «просвещенных детей революции», ограбление частных домов и поместий могло бы спровоцировать более негативную реакцию населения, чем ограбление храма (но, как оказалось впоследствии, это был существенный просчет). Использование же культовых объектов в мирских целях было результатом прагматического выбора, поскольку других подходящих для этого зданий было мало, особенно если взять во внимание численность Великой армии (свыше 300 тыс. человек²⁵) и тот факт, что значительную часть каменных строений составляли церкви. Конечно, подобные утверждения не оправдывают поведения чинов Великой армии по отношению к православным святыням, но мы намерены понять его мотивы, а также избежать крайностей в его оценке, например суждений о преднамеренном осквернении церковей и чуть ли не демоническом поведении завоевателей.

Абсолютизация влияния православия, которая, как уже было отмечено выше, мало соответствует действительности, привела к появлению и, увы, к утверждению парадигмы противостояния религиозной и «добродетельной» России «порочной» Франции. Подконтрольность Церкви государству как в России, так и во Франции свидетельствует о том, что каждое государство могло себя провозгласить религиозным и «благочестивым», однако это было особенно важно собственно для России, поскольку формула «за царя и Отечество» могла быть недостаточной для того, чтобы привлечь к борьбе с завоевателями все сословия. Слова Александра I о том, что «главный источник силы — народ, и главная задача всех сословий — жертвовать ради Отечества частью своего достоинства: с тем, чтобы не потерять все»,²⁶ очевидно, являлись важными для тех сословий, которые все же были наделены определенными привилегиями и которым было что терять. В то же время необходимость защиты Отечества являлась, вероятно, сомнительной мотивацией для крестьян, на что об-

²² Мельник З. Указ. соч. С. 339.

²³ Service Historique de la Défense (Vincennes). Série C2 «Correspondance de la Grande Armée». Vol. 128 (Документ предоставил В. Адагуров). «Я встретил двух солдат, нагруженных серебряными вазами и церковной утварью; это было в двух шагах от маленькой церкви, находившейся возле занятого мною дома; я подумал, что солдаты ограбили именно эту церковь, отправился туда и передал все вещи священнику, открывшему мне двери» (Из записок барона Дедема // Русская старина. 1900. Т. 103. С. 113–138: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Rs8/rs8.txt>).

²⁴ «Прекрасно понимая, что русские грабили в Москве вместе с французами, а в момент подготовки к уходу — не оглядываясь на них, правительство дало распоряжение, запрещавшее предъявлять к кому-либо иски о возвращении имущества бывшим владельцам. Корни склонности к грабежам в отсутствии привычки к законопослушанию, в осознании правомерности подобного наказания, а также в легкомысленном отношении к любой собственности» (Шведов С. О противоречиях русского менталитета в войне 1812 года // Отечественная война 1812 года в Калужской губернии и российской провинции. Малоярославец, 2000. С. 112–118: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Mmnk/mmnk.txt>).

²⁵ Воспоминание генерала барона де Marbot. Т. 2. Разд. 21: <http://www.worldwideschool.org/library/books/hst/biography/MemoirsofGeneralBarondeMarbot/chap58.html>.

²⁶ Вяземский П. А. Стихи. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 278.

рацали внимание исследователи,²⁷ отмечая: «Какое же может быть отечество у раба? А русский крестьянин очень часто тогда стоял ниже раба, был вещью. И подвинуть его на защиту именно Отечества было вовсе не так просто».²⁸ Вместе с тем отождествление Наполеона с Антихристом, упор на безбожие его армии были теми факторами, которые должны были не только побудить крестьян к защите Отечества, но и не допустить их выступлений против власти. «В образованной дворянской среде вряд ли всерьез принималось уподобление Наполеона Антихристу, а его солдат — лвам и тиграм. Такой уровень объяснений был рассчитан на неграмотного, темного мужика, дремучесть которого сознательно использовалась властями как одно из сильнодействующих средств, примененных на той войне».²⁹ Таким образом, Александру I удалось не только достичь желаемого послушания значительной массы населения, но также победить Наполеона в «русском общественном мнении»,³⁰ чему, собственно, и служил лозунг «за веру, царя и Отечество».

Приведенные выше аргументы, а также рассуждения отдельных исследователей подчеркивают обрядовый и традиционный характер русского «простонародного православия»³¹ и доказывают, что далеко не все слои населения видели в этой войне «священный характер». Соответственно, не выдерживает критики утверждение Л. Мельниковой о том, что духовенство являлось связующим звеном в сословной структуре общества и призывало

²⁷ См.: Маркин А. Указ. соч.; Попов А. Указ. соч.; Шведов С. Указ. соч.

²⁸ Маркин А. Указ. соч.

²⁹ Попов А. Указ. соч. С. 5.

³⁰ Шведов С. Указ. соч.

³¹ «Существует точка зрения, что водораздел между местными жителями и оккупантами проходил по конфессиональному признаку: православные крестьяне били “нехристей”. Однако это не вполне верно хотя бы потому, что русское простонародное православие носило обрядово-религиозный характер» (Маркин А. Указ. соч.).

«Для французов важным элементом религии была нравственность, которая воспринималась как признак интериоризации веры, ее глубокого переосмысления умом. С этой точки зрения обрядность христиан остальной Европы выглядела “варварской” и “фанатичной”, учитывая мизерную осознанность верными этических принципов христианства. Для населения католических стран православные были схизматиками (вероотступниками), поэтому их обычаи и обряды трактовались как такие, что в лучшем случае были менее ценными или вообще бесполезными в глазах Божьих» (Адалуров В. Пришествие Наполеона, або есе про конфлікт релігійних світоглядів у Центрально-Східній Європі на поч. XIX ст. // Наукові записки Українського католицького університету. Ч. 2. Сер. Історія. Вип. 1. Львів, 2010. С. 71, 72).

его к борьбе с неприятелем.³² Такая позиция является идеологизированной (поскольку ее автором был архимандрит Филарет, а также потому, что после войны 1812 г. каждое сословие желало подчеркнуть собственный вклад в победу) и далекой от реальности, так как единства между сословиями не было и каждое сражалось за свои идеалы.

В концепции «безбожной» Франции и «благочестивой» России, несмотря на ее несоответствие действительности, заложен также цивилизационный аспект, т. е. столкновение двух миров — современного и традиционного. К 1812 г. Франция не только осмыслила идеалы Просвещения и Великой французской революции, но и успела испытать их на практике. Этот опыт являлся в значительной степени трагическим, однако он касался каждого гражданина; в России же идеи Просвещения и гражданского общества были малоизвестны. С позиций традиционного мышления любые изменения кажутся негативными, а если они отвергают сакральное, то однозначно обречены на поражение. Различие мировоззрений удачно отражают воспоминания Ф.-П. де Сегюра: «...русские солдаты повиновались не рассуждая, рабство замкнуло их в тесный круг, и все их чувства были сведены к небольшому количеству незначительных потребностей, стремлений и мыслей. Кроме того, не имея возможности сравнивать себя с другими народами, они были самонадеянны и доверчивы в силу своего невежества... у французов не было ни военного, ни религиозного парада... французы искали подкрепления в самих себе, будучи уверены, что истинная сила и Воинство Небесное скрываются в человеческом сердце».³³ Таким образом, можно рассматривать столкновение не только мировоззрений, но и цивилизаций. С одной стороны, обрядовое, преимущественно традиционное, патриархальное общество противостоит вызовам современного, которое построено на уважении к индивидууму; с другой стороны, происходит столкновение более рациональной Западной Европы с ее гражданскими идеалами и иррациональной в своей основе Восточной византийско-евразийской цивилизации, где апробированные Наполеоном схемы оказались недейственными. Здесь его постигла судьба всех великих завоевателей.

³² См.: Мельникова Л. Армия и православная церковь... С. 234.

³³ Цит. по: Земцов В. Н. Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 1998. С. 67, 68.

лей, излишне отдалившихся от территорий со знакомыми им ценностями.

Другим признаком враждебности к французам можно считать негативное отношение не только к иной культуре, но и к иностранцам в целом, которое было основано как на ментальных особенностях, так и на религиозной культуре. С одной стороны, православная церковь считала иноверцев еретиками, с другой — подозревала их в намерении обратить православных в свою веру.³⁴ Примером веронетерпимости являлись многочисленные преследования и «новообращение», выпавшие на долю униатов бывшей Речи Посполитой.³⁵ Такое отношение в 1812 г. ожидало и иностранцев, которые исповедовали другую веру, говорили на ином языке и придерживались иных обычаев.

Роль духовенства и Православной церкви на данный момент является недостаточно освещенной в историографии и требует ос-

новательных исследований, которые должны рассмотреть проблему разносторонне: без восприятия войны 1812 г. как «сакральной», но также и без низведения Церкви до уровня лишь органа пропаганды. Ни первая, ни вторая крайность не соответствует действительности, так как обе они отражают лишь поверхностный подход к проблеме. Война 1812 г. была сложным феноменом, который по-разному воспринимался различными сословиями, что демонстрирует значительную идейную и политическую пропасть между ними (это наиболее заметно в реакции на проповеди духовенства); события 1812 г. показали также цивилизационные различия в восприятии действительности между Францией и Россией (между Западной и Восточной Европой), которые и явились в значительной степени причиной неожиданного развития событий, справиться с которыми было не под силу даже «гению» Наполеона.

Ключевые слова: *духовенство, Православная церковь, Отечественная война 1812 г., Российская империя*

Zoryana Melnik

Assistant, Ukrainian Catholic University (Ukraine, Lviv)
E-mail: zorianam@gmail.com

“FOR FAITH AGAINST ANTICHRIST”: RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND CLERGY IN THE WAR OF 1812 (Critical side notes to the books by L. Melnikova)

The paper focused on the two specific aspects of the 1812 campaign studies — the fact that this war was declared “sacred”, and the alleged confrontation of the Russian “religious devotion” and the French “godlessness”. The author questioned the absolutisation of the impact of the Russian Orthodox faith as a unifying factor for the different social strata, or as a significant element contributing to the victory of the Russian empire. The author further noted that the role of clergy and the Orthodox church is yet insufficiently covered in historiography and requires serious research, which would mean an objective unbiased approach: without ascribing a “sacral” status to the 1812 war, and at the same time without reducing the role of the church to the level of primitive propaganda.

Key words: *The clergy of the Orthodox Church, the Patriotic war of 1812, the Russian Empire*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

Adadurov V. *Наукові записки Українського католицького університету* (Scientific Notes of the Ukrainian Catholic University), Part. 2, Series History, Issue1. Lviv, 2010, pp. 65–81. (in Ukrain.).

Boudon J.-O. Paris: Fayard, 2002, 370 p. (in French).

Fedorov V. Moscow: Russkaya panorama, 2003, 480 p. (in Russ.).

³⁴ Шведов С. Указ. соч.

³⁵ См.: Стоколос Н. Уніатська Церква у контексті трансформацій на Правобережній Україні під владою Російської імперії // Український історичний журнал. Київ, 2002. № 4. С. 94–110.

- Frantsuzy v g. Chausakh v 1812 g.* (The French in Chavusy in 1812). Available at: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Rs10/rs10.txt> (in Russ.).
- Latreille A. Paris: Librairie Hachette, 1950, 292 p. (in French).
- Markin A. Available at: <http://www.museum.ru/museum/1812/library/Markin1/index.html> (in Russ.).
- Melchior-Bonnet B. Paris: Amiot Dumont, 1958, 364 p. (in French).
- Melnik Z. *Наукові записки Українського католицького університету* (Scientific Notes of the Ukrainian Catholic University), Part 2, Series History, Issue 1. Lviv, 2010, pp. 337–344. (in Ukrain.).
- Melnikova L. Moscow: Kuchkovo Pole, 2007. 416 p. (in Russ.).
- Melnikova L. Moskow: Izdanie Sretenskogo monastyrya, 2002. 243 p. (in Russ.).
- Memoirs of General Baron de Marbot. Available at: <http://www.worldwideschool.org/library/books/hst/biography/MemoirsofGeneralBarondeMarbot/chap58.html> (in English).
- Pavlovskiy I. *Volynskie eparkhialnye vedomosti (Volyn Diocesan Gazette)*, 1879, № 12. (in Russ.).
- Popov A. Available at: http://www.borodino.ru/download.php?file_id=541&__CM3__CM3=75amo730cen6mhssolqk78t2g1 (in Russ.).
- Russkaya starina* (Russian Antiquity), 1877, Vol. 20, pp. 688–696. (in Russ.).
- Russkaya starina* (Russian Antiquity), 1900, Vol. 103, pp. 113–118. Available at: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Rs8/rs8.txt> (in Russ.).
- Shvedov S. *Otechestvennaya voyna 1812 goda v Kaluzhskoy gubernii i rossiyskoy provintsii: Sb. Nauch. tr.* (The Patriotic war of 1812 in the Kaluga Gubernia, and Russian provinces: collected papers). Maloyaroslavets, 2000, pp. 112–118. (in Russ.).
- Smolich I. Moscow: Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya, 1996, Vol. 8, Part 1, 799 p. (in Russ.).
- Sobraniya Vysochayshikh Manifestov, Gramot, Ukazov, Reskriptov, Prikazov voyskam i raznykh izveshcheniy, posledovavshikh v techenie 1812, 1813, 1814, 1815 i 1816 godov* (Corpus of the Imperial manifesto, letters, decrees, rescripts, order the troops and the various notices that followed during 1812, 1813, 1814, 1815 and 1816's.). St. Petersburg, 1816. (in Russ.).
- Stokolos N. *Український історичний журнал (Ukrainian historical journal)*, Kiev, № 4, pp. 94–110. (in Ukrain.).
- Syn Otechestva* (Son of the Fatherland), 1813, № 32, pp. 223–235. (in Russ.).
- Syn Otechestva* (Son of the Fatherland), 1813, № 33, pp. 3–15. (in Russ.).
- Vershiteli evropeyskikh sudeb v vospominaniyakh knyazya Metternikha* (Bringers of the European destiny in the memoirs of Prince Metternich). Available at: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/metternih/metternih.txt> (in Russ.).
- Vyazemskiy P. A. Moscow: Pravda, 1988, 480 p. (in Russ.).
- Welschinger H. Paris: Librairie Plon, 1905, 473 p. (in French).
- Zemtsov V. N. Moskow: Reytar, 1999, 208 p. (in Russ.).